

«Древнерусская Фиваида»: к истории становления монастырской культуры Древней Руси

Юрий Артамонов

«The Old Russian Thebaid»: on the history of the monastic culture in ancient Russia

Yurii Artamonov (Institute of World History, Russian Academy of Sciences)

Ко времени официального крещения Руси киевским князем Владимиром Святославичем монашество уже прошло почти семисотлетний путь развития, отмеченный возникновением центров иноческой жизни, которые в разное время играли определяющую роль в развитии восточного монашества. «Колыбелью» христианского аскетизма была Фиванская пустыня в Египте – место подвигов преподобных Павла Фивейского и Антония Великого. В V–VI вв. особое значение приобрели монастырские центры Палестины и Синая, Сирии и Каппадокии. По мере завоевания этих территорий арабами и турками очаги духовной жизни сместились в Малую Азию – в горы Латра и Олимпа Вифинского. С IX в. «лидером» монастырского движения стал Афон. Схожие процессы имели место и в истории Русской церкви. Первым центром монашества на Руси, формирование которого следует относить к третьей четверти XI в., стал комплекс иноческих общин на южной окраине Киева, рядом с загородной княжеской резиденцией в Берестове, сохранявший значение духовного очага монастырской жизни вплоть до монгольского нашествия середины XIII в. Истории его возникновения и посвящена настоящая статья.

Древнерусское иночество в период становления, который пришёлся на последнее десятилетие X – первую половину XI в., «трудноуловимо» для историка. О его существовании мы скорее догадываемся, нежели знаем наверняка.

С одной стороны, можно думать, что первые монахи появились на Руси вскоре после официального крещения в 988/989 г. Из числа иноков должны были ставиться главы первых епархий (Новгородской, Полоцкой, Черниговской и др.), формироваться особые миссии для укоренения христианского вероучения среди вчерашних язычников. На присутствие представителей чёрного духовенства в первые десятилетия христианизации указывают и письменные источники. Иаков Мних – автор «Памяти и похвалы князю русскому Владимиру» (вторая половина XI в.)¹, упоминая об обычае правителя устанавливать три трапезы в Господские праздники, пишет: «Первую – митрополиту с епископы, и с черноризьце, и с попы, вторую – нищим и убогим, третью себе, и бояром

© 2016 г. Ю.А. Артамонов

¹ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996. С. 198.

своим, и всем мужем своим (здесь и далее курсив мой. — Ю.А.)»². Киевский митрополит Иларион в Похвале князю Владимиру (в составе «Слова о законе и благодати») свидетельствовал, что при нём «монастыреве на горах стаща, *черноризьци* явишася»³. Любопытно, что Иларион, в отличие от Иакова, относил к периоду княжения Владимира не только появление черноризцев, но и учреждение монастырей. Между тем Повесть временных лет (ПВЛ) датирует возникновение обителей временем правления не Владимира, а его сына Ярослава Мудрого. Под 6545 (1037) г. в сообщении о масштабной строительной деятельности князя в Киеве летописец указал: «При семь (Ярославе. — Ю.А.) нача вѣра хрестьяньска плодитися и раширяти, *и черноризьци поча множитися* и монастыреве починаху быти»⁴. Несмотря на то, что процитированные тексты принадлежат жанру похвалы, который допускает известную гиперболизацию действительности, сами свидетельства, как кажется, заслуживают доверия.

С другой стороны, обращает на себя внимание тот факт, что древнерусские письменные источники ничего не говорят об участии представителей чёрного духовенства в общественно-политических событиях конца X — первой половины XI в. В справедливости этого наблюдения можно убедиться на примере памятников Борисоглебского цикла — «Сказания чудес святою страстотерпцу Христову Романа и Давида» (СЧ), в основе которого лежат разновременные тексты XI — начала XII в., и «Чтения о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба» (ЧЖ), созданного на рубеже XI–XII вв. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором⁵.

Возьмем, к примеру, сообщения о перенесении мощей первых русских святых. В СЧ указано, что чудеса на месте погребения Бориса и Глеба в Вышгороде побудили Ярослава обратиться к киевскому митрополиту Иоанну с предложением перенести тела братьев в небольшую деревянную часовню («клѣтькоу малоу»), выстроенную на месте недавно сгоревшей церкви св. Василия. Для выполнения этой миссии митрополит собрал «клирось и все поповьство», т.е. клириков Софийского собора и приходских священников. Добравшись до Вышгорода, киевское духовенство отслужило в новой часовне всенощную, а на утро перенесло туда мощи Бориса и Глеба. Спустя некоторое время Ярослав распорядился возвести поблизости большую пятиглавую деревянную церковь, предназначенную стать новым местом упокоения святых. Как и в первый раз, участниками церемонии стали митрополит Иоанн и «все поповьство». Сходную картину видим и в ЧЖ: в первом случае митрополит повелевает собраться всему «крилосу церковному», а во втором вместе с ним в Вышгород отправляются «попове и дьяконы, и всь причеть церковьнии»⁶. Таким образом, ни СЧ, ни

² Зимин А.А. Память и похвала Иакова Мниха и Житие князя Владимира по древнейшему списку // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. 1963. № 37. С. 70.

³ Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 93.

⁴ ПСРЛ. Т. I. М., 2001. Стб. 151.

⁵ О датировке агиографических произведений Нестора см.: Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 253–257; Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря [Ruthenica. Supplementum 3]. Київ, 2011. С. 68–84; Артамонов Ю.А. «Гипотезы, выстроенные на гипотезах...»: по поводу исследования А. Поппэ «Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря (Киев, 2011) // Вестник церковной истории. М., 2013. Вып. 1–2(29–30). С. 377–382.

⁶ Бугославський С.А. Пам'ятки XI–XVIII вв. про князів Бориса та Гліба: Розвідка та тексти // Текстология Древней Руси. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. М., 2007. С. 589, 591.

ЧЖ не сообщают об участии черноризцев в первом и втором перенесениях мощей святых Бориса и Глеба. Организованные Ярославом, они осуществлялись силами митрополита, Софийского клироса и части приходского духовенства. Это тем более показательно, что последующие перенесения (1072 и 1115 гг.) проходили при участии постриженников сразу нескольких монастырей.

ПВЛ также не упоминает об участии монашества в публичных акциях конца X – первой половины XI в., в том числе и в погребениях представителей правящей династии. Так, согласно летописи, в последний путь киевского князя Ярослава в 1054 г. проводжали «попове», а плакали «по немь Всеволодь и людье вси»⁷. Подобные умолчания не случайны. Думается, в конце X – первой половине XI в. древнерусское иночество было малочисленно и разрозненно. Данный вывод подтверждает высказанное ранее мнение о том, что первые русские монастыри создавались представителями знати для удовлетворения собственных религиозных потребностей. Это были небольшие обители-церкви, как правило располагавшиеся на территории городских усадеб. Количество служивших в них монахов едва ли превышало десяток человек. Материальная зависимость от ктитора, низкий уровень христианизации общества не способствовали формированию корпоративного сознания чёрного духовенства, большую часть которого тогда составляли выходцы из Болгарии и Византии⁸.

Но уже со второй половины XI в. чёрное духовенство всё чаще попадает в поле зрения древнерусских книжников. Первое сообщение источников об участии монахов в значимом общественном мероприятии относится к 20 мая 1072 г., когда сыновья Ярослава – Изяслав, Святослав и Всеволод – организовали третье перенесение мощей Бориса и Глеба. СЧ и ПВЛ среди присутствующих называют по имени трёх настоятелей киевских монастырей, при этом отмечая, что были «и прочии вьси игоумени» (в ПВЛ – «и вси игумени»). Согласно СЧ, шествие возглавляли «преподобные черноризци со свечами», а за ними следовали «диаакони, таче и прозвутери, и по сихъ митрополита и епискоупи, и по сихъ съ ракою идяхоу»⁹. Приблизительно так же описывает шествие летописец: «предъидущем черноризцем, свѣщѣ держаще в рукахъ, и по них дьякони с кадилы, и посемь презвитери, и по них епископи с митрополитом; по сих с ракою идяху»¹⁰. Нестор в ЧЖ указал, что в торжествах участвовало множество иноков, но по имени назвал только «игумена монастыря Печерьскаго» Феодосия, который «свѣтѣся акы солнце посередѣ ихъ (других настоятелей. – Ю.А.)»¹¹.

К 1078 г. относится первое известие об участии монашества в похоронах Рюриковича. В рассказе о погребении киевского князя Изяслава Ярославича читаем: «И взявше тѣло его, привезоша ѥ в лодьи, и поставиша противу Городьцю, изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани, повезоша ѥ, съ пѣснями попове и черноризци понесоша ѥ в град»¹². Здесь к уже привычным «попове» автор добавил: «и черноризци». Важно отметить, что в летописи понятия «попове» и «черноризци» не смешаны. Под первым

⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 162.

⁸ Артамонов Ю.А. Монастырское строительство на Руси в эпоху Ярослава Владимировича // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 187–201.

⁹ Бугославский С.А. Указ. соч. С. 553.

¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 182.

¹¹ Бугославский С.А. Указ. соч. С. 589, 591, 594.

¹² ПСРЛ. Т. I. Стб. 202.

понимаются священники приходских церквей¹³, а под вторым — насельники монастырей¹⁴. Участием чёрного духовенства были отмечены также похороны Ярополка Изяславича (1086 г.), Всеволода Ярославича (1093 г.) и Ростислава Всеволодовича (1093 г.)¹⁵.

К концу XI — началу XII в. относятся наиболее ранние летописные свидетельства о захоронениях на территории монастырей. В 1091 г., согласно ПВЛ, в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря была погребена Марья, супруга киевского воеводы Яня, а спустя почти 15 лет и он сам (1106 г.)¹⁶. В 1109 г. здесь же хоронили княгиню Евпраксию Всеволодовну¹⁷. В Андреевском монастыре были положены тела близких киевского князя Всеволода Ярославича — жены Анны (1111 г.) и дочери Янки (1112 г.). В 1112 г. в соборе Богородичного Влахернского монастыря на Клове хоронили князя Давыда Игоревича¹⁸.

О существенном возрастании роли монашества в общественной жизни страны в конце XI — начале XII в. говорят сообщения ПВЛ под 1096 и 1101 гг. В первом случае летопись приводит слова киевского князя Святополка Изяславича и переяславского князя Владимира Мономаха, обращённые к черниговскому князю Олегу Святославичу: «Поиду Киеву, да порядь положимъ о Русьстѣи земли пред епископы, и пред игумены, и пред мужи отець нашихъ, и пре(д) людьми градъскими, да дадох оборонили Русьскую землю от поганных»¹⁹. Как видно из текста, игумены упомянуты в числе тех, кто должен был засвидетельствовать княжеский договор («порядь») о прекращении распрей и организации совместных действий против половцев. Стало быть, монашество уже располагало достаточным авторитетом в обществе, коль скоро могло *de jure* гарантировать соблюдение межкняжеских соглашений²⁰. Другое сообщение является первым документально зафиксированным фактом выступления собрания игуменов в качестве поручителей за опального Рюриковича: «В то же лѣто заратися Ярославъ Ярополчичъ Берестѣи и иде на нь Святополкъ, и заста ѿ в градѣ, и емъ ѿ, и окова, и приведе ѿ Киеву. И молися о нем митрополитъ и игумени, и оумолиша Святополка»²¹. Заступничество митрополита и настоятелей возымело действие: после клятвы у мощей святых Бориса и Глеба с Ярослава сняли оковы.

Таким образом, начиная с 1070-х гг. роль чёрного духовенства в общественно-политической жизни Руси последовательно возрастала. Полагаю, что этому предшествовал всплеск интереса к монашеству в древнерусском обществе, который пришёлся на 1050–1060-е гг., когда в Киеве, а возможно, и в некоторых других южнорусских городах (Чернигове, Переяславле) стали возникать самостоятельные, независимые от светских ктиторов иноческие общины.

¹³ Ср.: «И ины церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы и дая имъ от имѣнья своего урокъ, веля имъ оучити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ церквамъ» (Там же. Т. I. Стб. 153).

¹⁴ Ср.: «И оттолѣ почаша Печерскыи манастирь, имъже бѣша жили черньци преже в печерѣхъ» (Там же. Т. I. Стб. 159).

¹⁵ Там же. Т. I. Стб. 206, 217, 221.

¹⁶ Там же. Стб. 212, 281.

¹⁷ Там же. Т. II. М., 2001. Стб. 260.

¹⁸ Там же. Стб. 273.

¹⁹ Там же. Т. I. Стб. 229–230.

²⁰ Правда, на это предложение Олег Святославич ответил отказом: «Олег же въсприимъ смыслъ буи и словеса величава, рече сиче: “Нѣсть мене лѣпо судити епископу, ли игуменом, ли смердом”. И не въсхотѣ ити к братома своимъ, послушавъ злыхъ свѣтниківъ» (Там же. Стб. 230).

²¹ Там же. Стб. 274–275.

В тот период количество постриженников, находящихся вне княжеско-боярской юрисдикции, существенно увеличилось, что, в свою очередь, стимулировало процесс внутренней консолидации монашества.

Особое место в этом движении принадлежало Киево-Печерскому монастырю, основанному афонским постриженником Антонием на южной окраине Киева. Согласно тексту летописного «Сказания о начале Печерского монастыря» (1051 г.), по возвращении с Афона «отец русского иночества» рассчитывал поселиться в одном из уже существовавших киевских монастырей, но отказался от этого замысла. По-видимому, домовые обители столицы были далеки от того идеала монашеского служения, который Антоний усвоил на Святой Горе. Местом своих подвигов он выбрал покрытый лесом высокий правый берег Днепра, неподалеку от княжеской резиденции в Берестове. Здесь Антоний копал пещеру, постился, пребывал в бдении и молитвах. Слава о нём быстро распространилась среди окрестных жителей. Летописец отметил, что уже ко времени смерти князя Ярослава Антоний «прославлень бысть в Русьскѣй земли». Поэтому взошедший на киевский стол Изяслав Ярославич счёл нужным вместе с дружиной посетить отшельника для получения благословения и молитвы. Вокруг Антония образовалась монашеская община, трудами которой были созданы пещерная церковь и кельи. Однако вскоре между князем и монастырём разгорелся конфликт, спровоцированный несанкционированным пострижением двух близких к Изяславу людей – Ефрема (управляющий княжеским двором) и Варлаама (сын княжеского боярина Иоанна). Князь угрожал уничтожить пещеры и отправить иноков в заточение, но в итоге отступил: конфликт был улажен благодаря заступничеству супруги Изяслава, польки Гертруды-Олисавы. С того момента, как пишет Нестор в Житии Феодосия (ЖФ), «многымъ приходящемъ въ пещероу благословления ради еже от отецъ тѣхъ, и друзгии от нихъ бываахоу чръньци божиею благодатию»²².

Известно, что среди постриженников Киево-Печерского монастыря были представители не только знати, но и простолюдины – горожане и даже неграмотные селяне. Путь в монастырь был открыт для всех. Нестор, описывая игуменство Феодосия, отметил: «Всякому же хотящу быти чърноризьноу и приходящему къ нему, не отрѣвааше ни оубога, ни богата, нъ вся приимаше съ всякимъ оусърдиемъ, бѣ бо и самъ въ искушении томъ былъ»²³. В отличие от княжеско-боярских обителей, общины, основанные монахами, были заинтересованы в привлечении постриженников. Поэтому уже к началу 1060-х гг. общая численность печерской братии достигла 100 человек, что по меркам того времени было невероятно большой цифрой²⁴. Столь беспрецедентный рост во многом предопределил введение в обители Студийского общежительного устава, которое осуществил игумен Феодосий. Данный почин, по свидетельству летописца, вскоре поддерживали другие обители Древней Руси: «От того же ма-

²² Успенский сборник XII–XIII вв. / Подготовили к печати О.А. Князевская и др. М., 1971. С. 85.

²³ Там же. С. 89. Этот вывод противоречит мнению о том, что Киево-Печерский монастырь являлся «аристократическим общежитием» (Поппэ А. Указ. соч. С. 92).

²⁴ «Феодосу же приемшю манастирь, поча имѣти въздержанье, и велико пощенье, и молитвы съ слезами, и совокупляти нача многы черноризьци, и совокупи братьѣ числомъ 100» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 159–160.). Известно, что в среднестатистическом монастыре Византии в этот же период число насельников, как правило, не превышало 8–10 человек (Соколов И.И. Состояние монашества в Византийской Церкви с середины IX до начала XIII века (842–1204): Опыт церковно-исторического исследования. СПб., 2003. 118–119).

настыря переяша вси манастиреве оуставъ, тѣмъже почтенъ есть манастирь Печерьскыи старѣе всего»²⁵.

Независимость и высокое благочестие отцов-основателей, «победа» печерян в противостоянии с княжеской властью, численный рост братии, организация жизни общины в соответствии с нормами популярного Студийского устава содействовали становлению Киево-Печерской обители в качестве безусловного лидера монашеского движения на Руси. Об этом недвусмысленно говорит СЧ в части описания третьего перенесения мощей Бориса и Глеба (20 мая 1072 г.): «И съвькоупивъшися вся братия: Изяслав, Святославъ, Всеволодъ; митрополитъ Георгии Кыевьскыи, другъи Неофитъ Чьрниговьскыи; и епископии: Петръ Переяславьскыи, Никита Бѣлогородьскыи и Михайль Гургевьскыи; и игоумени: Феодосии Печерьскыи и Софронии святааго Михаила, и Германъ святааго Спаса, и прочии вси игоумени»²⁶. При перечислении участников церемонии СЧ использует иерархический принцип от высших к низшим. Среди князей первым назван старший Изяслав, вторым – средний Святослав, третьим – младший Всеволод. В ряду архиереев сначала выступает митрополит Киевский, затем – титулярный митрополит Черниговский и только потом – епископы Переяславский, Белгородский и Юрьевский. Список игуменов открывает Феодосий Печерский, за ним следуют настоятели Михайловского и Спасского монастырей, а затем – «прочии вси».

Примечательно, что в перечне не называются игумены княжеских обителей, существование которых надёжно засвидетельствовано источниками. Например, в нём не упомянуты настоятели монастырей: св. Георгия и св. Ирины, отстроенных князем Ярославом Мудрым (не позднее 1054 г.), св. Дмитрия, основанного князем Изяславом (не позднее 1062 г.), и св. Николая, созданного его супругой Гертрудой (не позднее 1062 г.). Эта особенность списка участников обязывает нас более внимательно присмотреться к истории становления тех обителей, игумены которых названы в нём поименно.

Согласно СЧ, за Феодосием Печерским следовал Софроний «святааго Михаила» – настоятель Михайловского Выдубицкого монастыря, в ПВЛ дважды упомянутого под названием «Всеволож»²⁷. Данные указания обычно рассматриваются в историографии как свидетельства учреждения обители князем Всеволодом Ярославичем²⁸. Но насколько это мнение справедливо?

Археологические исследования территории Выдубицкого монастыря, проводившееся М.К. Каргером (1945 г.) и Т.А. Бобровским (2003 г.), показали, что строительству каменного Михайловского собора, начавшемуся при финансовой помощи Всеволода в 1070 г., предшествовало пещерное поселение иноков-анахоретов. Оно представляло собой группу изолированных друг от друга подземных камер-келей, каждая из которых имела отдельный выход на поверх-

²⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 160.

²⁶ Бугославський С.А. Указ. соч. С. 553.

²⁷ Под 1070 г. читаем: «В се же лѣто заложена бысть церкы святаго Михаила в монастырѣ Всеволожи»; под 1088 г. – «Священа бысть церкы святаго Михаила манастиря Всеволожа митрополитомъ Иваномъ, а игуменьство тогда держащу того манастиря Лазареви» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 174, 207).

²⁸ Макарий (Булгаков). История Русской церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 171; Присёлков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003. С. 72; Porre A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. С. 165; Щанов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси в X–XIII вв. М., 1989. С. 134; Синицына Н.В. Русское монашество и монастыри X–XVII вв. // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 306.

ность склона в сторону Днепра. По мнению Т.А. Бобровского, время основания подземных сооружений следует относить к середине XI в. Впоследствии поселение пещерников эволюционировало в наземный общежительный монастырь. Часть пещер была разрушена при строительстве собора, но некоторые продолжали использоваться вплоть до середины XIII в.²⁹ Отсюда следует, что возведение каменного собора не было собственно началом монастыря.

Это заключение косвенно подтверждают письменные источники. ПВЛ, сообщая о закладке Михайловского храма, не говорит об основании Всеволодом самого монастыря: «В се же лѣто заложена бысть церкы святого Михаила в монастырь Всеволожи»³⁰. Однако этот факт особо оговаривается в сообщении о закладке Андреевского собора (1086 г.): «Всеволодъ заложи церковь святого Андрѣя при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ, створи оу церкви тоя манастирь, в нем же пострижеса дщи его дѣвою, именемъ Янька»³¹.

Нестор в ЖФ также не писал об основании Всеволодом Выдубицкого монастыря. Более того, наблюдения над текстом этого памятника агиографии позволяют заключить, что Михайловская община ко времени начала строительства собора (1070 г.) *de facto* уже существовала. Об этом свидетельствует рассказ о чудесном знамении в Киево-Печерском монастыре, очевидцем которого стал уже известный нам Софроний, «игумен монастыря святого архистратига Михаила»³². Дело в том, что в тексте ЖФ это повествование соседствует с описанием событий 1060-х гг. и хронологически предшествует сообщению о смерти тмутараканского князя Ростислава Владимировича (3 февраля 1067 г.).

По-видимому, Софроний был не только первым игуменом Михайловской обители, но и её основателем. Нестор, говоря о Выдубицком монастыре, указал, что он был «своим» для Софрония («ѣдоущю бо емоу въ манастирь *свои*»). Также агиограф определил отношение Богородицкого монастыря в Тмутаракани к основавшему его Никону Великому: «Тѣгда же великии Никонѣ обѣща ся емоу (игумену Феодосию. — Ю.А.), глаголя, яко же тѣкмо дошѣдъ тамо и манастирь *свои* обрядивъ, и тоу абие възвращоу ся въспять»³³. «Своим» для князя Изяслава, согласно Нестору, был Дмитриевский монастырь³⁴.

Если считать Всеволода учредителем Михайловской обители, то встаёт вопрос, почему он сначала основал монастырь в честь св. архистратига Михаила и только потом, спустя почти 16 лет, приступил к строительству оби-

²⁹ «Сопоставляя результаты последних исследований с материалами раскопок М.К. Каргера, можно прийти к выводу, что в XI в. на территории Выдубицкого монастыря на юг и восток от Михайловской церкви существовала целая группа пещерных сооружений. Все они были отделены и не составляли единого лабиринта. Вероятно, эти сооружения составляли комплекс пещерного монастыря — подземное иноческое поселение, что предшествовало развитию монастыря на поверхности. Итак, время основания этих пещер стоит отнести к середине XI в., что вполне согласуется с вновь открывшимися материалами» (Бобровский Т.А. Підземні споруди Києва від найдавніших часів до середини XI ст. (спелео-археологічний нарис). Київ, 2007. С. 59. См. также: *он же*. Печери Видубицького монастиря у Києві (за матеріалами досліджень відділу «Київ-підземний») // Київ і кияни (матеріали щорічної науково-практичної конференції). Київ, 2005. С. 6–9.

³⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 174.

³¹ Там же. Т. II. Стб. 197.

³² Успенский сборник XII–XIII вв. С. 93.

³³ Там же. С. 93, 96.

³⁴ «Тѣгда же христоролюбивыи князь от манастиря великааго отца нашего Феодосия избъравъ единого отъ братия, иже въ чърньчскѣмъ житии просиявъша, Исаию наричемааго. Того же изведъ игоумена постави въ манастири *своемъ* оу святааго мученика Дмитрия» (Там же. С. 95). Хотя, конечно, это наблюдение не обладает силой решающего аргумента.

тели в честь своего небесного покровителя св. Андрея. Я.Н. Щапов, имея в виду этот алогизм, высказал предположение: а не возник ли Андреевский монастырь раньше Михайловского? И дал на него утвердительный ответ: «То, что он (Андреевский монастырь. – Ю.А.) был посвящён княжескому святому покровителю, скорее говорит о том, что монастырь должен был быть первым и быть основанным, следовательно, до 1070 г., времени закладки церкви Михаила на Выдубичах». В качестве дополнительного аргумента исследователь отметил сводный характер статьи 1086 г., которая объединила в «себе сведения о заложении каменной церкви на месте существовавшей прежде, основании в прошлом Всеволодом монастыря и более позднем (после 1089 г.) пострижении в нем княжны (Янки, дочери Всеволода. – Ю.А.)»³⁵. Так возникло предположение об учреждении Андреевского монастыря в 1060-е гг., в период переяславского княжения Всеволода (до 1078 г.). Однако потребность в этой гипотезе и связанных с ней манипуляциях отпадёт, если мы посмотрим на строительство Михайловского собора как на акт покровительства, которое князь оказал уже существовавшей монашеской общине. А значит, Всеволод действовал так же, как его старший брат Святослав, который в 1073 г. пожертвовал 100 гривен золота на возведение каменного Успенского собора в Киево-Печерском монастыре³⁶.

И, наконец, последнее наблюдение: в летописных текстах XII – начала XIII в. Выдубицкий монастырь ни разу не называется «отчим» в отношении потомков Всеволода. Более того, никто из них, насколько известно, не был похоронен в его стенах. В то же время Андреевский монастырь, основанный, как отмечалось выше, в 1086 г., стал местом сложения родового некрополя. В 1111 г. «оу святого Андрея» была погребена супруга Всеволода, а почти год спустя – его дочь Янка. В 1139 г. здесь хоронили внука Всеволода, киевского князя Ярополка Владимировича, а в 1170 г. – правнука, дорогобужского князя Владимира Андреевича³⁷. Таким образом, следует полагать, что в 1070 г. Всеволод, будучи переяславским князем, профинансировал строительство каменного собора для Михайловской монашеской общины, а в 1086 г., уже занимая киевский стол, основал Андреевский монастырь в честь своего небесного патрона³⁸.

Начало Выдубицкого монастыря имело сходство с историей Печерской обители: на смену пещерному поселению анахоретов со временем пришла обустроенная на поверхности киновия. Но впоследствии развитие обителей пошло разными путями: Михайловская вошла в сферу влияния потомков Всеволода, а Печерская сохранила относительную самостоятельность. Поэтому указания на «монастырь Всеволож» в летописных статьях 1070 и 1088 гг. являются более поздними вставками, внесёнными в текст ПВЛ редактором – по-видимому, игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром. О его работе над летописью свидетельствует приписка, читаемая в Лаврентьевском, Радзивилловском, Московско-Академическом списках ПВЛ под 1110 г.: «Игумень Селивестръ

³⁵ Щапов Я.Н. Указ. соч. С. 139.

³⁶ Абрамович Д.И. Киево-Печерский патерик. Киев, 1991. С. 8.

³⁷ Артамонов Ю.А. Формирование родовых некрополей на Руси в XI–XII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти: XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто: Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001. С. 11–20.

³⁸ Артамонов Ю.А. Кем был основан Михайловский Выдубицкий монастырь в Киеве? // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2015. Выпуск 1(34). [Электронный ресурс].

святаго Михаила написахъ книги си лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость прияти, при князи Володимерѣ, княжашю ему Кыевѣ, а мнѣ в то время игуменящю оу святаго Михаила в 6624 [1116], индикта 9 лѣта; а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ»³⁹. Покровителем Сильвестра, а возможно, и его духовным чадом, был сын Всеволода Владимир Мономах. Именно его стараниями выдубицкий игумен в 1118 г. стал епископом Переяславским. Указание на принадлежность Выдубицкой обители Всеволоду было обоюдно выгодно и монастырю, и правящему князю: первый получал в лице Владимира Мономаха высокого покровителя, а второй – поддержку одной из самых авторитетных иноческих общин столицы.

Думаю, что в первоначальном виде – оригинале ПВЛ – сообщения об основании (1070 г.) и освящении (1086 г.) Михайловского собора были близки чтением Новгородской первой летописи (НПЛ) старшего извода, где слова «в монастыре Всеволожи» и «манастыря Всеволожа» отсутствуют.

Лаврентьевская летопись	НПЛ
1070 г.: «В се же лѣто заложена бысть церкы святаго Михаила в монастырѣ Всеволожи».	1070 г.: «И церкы заложена бысть святого Михаила манастырь Кыевѣ».
1088 г.: «Священа бысть церкы святаго Михаила манастыря Всеволожа митрополитомъ Иваномъ, а игуменьство тогда держащю того манастыря Лазъреви» ⁴⁰ .	1088 г.: «Священа бысть церкы святого Михаила» ⁴¹ .

Последним среди участников церемонии перенесения мощей Бориса и Глеба назван Герман, игумен «святаго Спаса» (так автор СЧ именует Спасо-Преображенский монастырь). Относительно его основателя единого мнения нет. Одна часть исследователей полагает, что им был кто-то из Рюриковичей⁴², другая указывает на его «монашеское происхождение»⁴³. Некоторое время назад первая точка зрения казалась мне более убедительной: я исходил из того, что в монастыре были погребены потомки Владимира Мономаха – дочь Евфимия (1138 г.), сын Юрий Долгорукий (1157 г.) и внук Глеб Юрьевич (1172 г.). Кроме того, в 1185 г. игумен монастыря Лука при поддержке владимирского князя Всеволода Большое Гнездо – сына Юрия Долгорукого – был поставлен епископом на Ростовскую кафедру⁴⁴. Отсюда возникло предположение, что обитель была учреждена либо Всеволодом Ярославичем – дедом Юрия, либо Ярославом Владимировичем – его прадедом⁴⁵.

Однако пример Михайловской Выдубицкой общины позволяет думать, что княжеский патронат над монастырём мог быть установлен позже его фактического возникновения. Поэтому нет необходимости искусственно удревнять зависимость Спасо-Преображенской обители от Рюриковичей. Её вхождение в сферу княжеского влияния могло произойти позже, например в начале XII в.,

³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 286; Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2001. С. 140–154, 156–157.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 174, 207.

⁴¹ Там же. Т. III. М., 2000. С. 17, 18.

⁴² Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. СПб., 2009. С. 480.

⁴³ Синецкина Н.В. Указ. соч. С. 307.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 305, 348, 363, 390–391.

⁴⁵ Артамонов Ю.А. Формирование родовых некрополей... С. 11–20.

когда здесь при финансовой помощи Владимира Мономаха или его сына Мстислава был возведён каменный собор⁴⁶.

Уже Макарий (Булгаков) обратил внимание, что в конце XI в. Спасо-Преображенский монастырь носил второе название – Германеч⁴⁷. Действительно, под 1096 г. в сообщении о нападении половцев на киевские монашеские общины читаем: «и пожгоша манастирь Стефанечь деревнѣ, и Германечь, и приидоша на манастирь Печерьский»⁴⁸. Первые две обители летописец определяет по имени ктиторов: «Стефанечь» – название Богородичного монастыря на Клове, созданного бывшим Печерским игуменом Стефаном; «Германечь» – Спасо-Преображенский монастырь, учрежденный Германом – участником третьего перенесения мощей Бориса и Глеба. Поскольку в 1072 г. обитель уже имела достаточный авторитет, чтобы не попасть в число «прочих», её возникновение следует относить к 1050–1060-м гг.

Сказанное позволяет заключить, что в перечне участников торжеств 20 мая 1072 г. упомянуты игумены монастырей, не обязанных своим возникновением почину княжеской власти, но занимавших первенствующее положение среди древнерусских обителей того времени. Ещё одно наблюдение представляется мне весьма значимым: три названных монастыря являлись ближайшими соседями. Следовательно, можно говорить о возникновении в третьей четверти XI в. на южной окраине Киева, неподалеку от великокняжеской резиденции в Берестове, своеобразного монашеского центра, который получил широкое общественное признание, в том числе со стороны верховной власти. Именно высоким авторитетом здешних общин следует объяснять посещение Изяславом преподобного Антония (ок. 1054 г.) и последующую передачу печерянам «горы» для строительства наземного монастыря (до 1062 г.), финансирование Всеволодом возведения каменного собора в Выдубицком монастыре (1070 г.), выделение Святославом средств на постройку кафоликона Печерской обители (1073 г.).

О том, что уже в последней трети XI в. современники воспринимали местность в районе Берестова как средоточие монашеской жизни, говорит продолжавшееся здесь строительство новых обителей. Около 1078 г. по инициативе бывшего печерского игумена Стефана был заложен Кловский монастырь, посвящённый чуду Богородицы во Влахерне. Вероятно, на рубеже XI–XII вв. к юго-западу от Киево-Печерской обители возник Зверинецкий монастырь. Как и соседние обители, он начинался с пещерного поселения монахов-отшельников, а затем получил развитие и на поверхности⁴⁹. О самостоятельности монастыря⁵⁰ свидетельствует пещерное граффито с упоминанием «игуменов зверинецких»: Леонтия, Маркияна, Михаила, Ионы, Мины, Климентия, Мануила⁵¹. В средневековых письменных источниках он не упоминается и известен лишь благодаря археологическим исследованиям его подземных помещений. Следо-

⁴⁶ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 22–23.

⁴⁷ Макарий (Булгаков). Указ соч. С. 171. То же см.: Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т.1. Ч.II. М., 1904. С. 585–586.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 222.

⁴⁹ Эртель А.Д. Древние пещеры в Киеве на Зверинце. Киев, 1913; Каманин И.М. Зверинецкие пещеры в Киеве (их древность и святость). Киев, 1914; Воронцова Е.А. Киевские пещеры. Киев, 2005. С. 67–127.

⁵⁰ В литературе высказывалось мнение, что Зверинецкие пещеры являлись некрополем Киево-Печерского или Выдубицкого монастырей (Эртель А.Д. Указ. соч. С. 34–36).

⁵¹ Бобровський Т.А. Підземні споруди Києва... С. 62–63, 175.

вательно, можно предполагать, что комплекс монастырей на южной окраине Киева не ограничивался пятью названными обителями. Очевидно, здесь более или менее продолжительное время существовали и другие монашеские общины, названия которых источники не сохранили.

О стабильном развитии и материальном благополучии этого иноческого центра в первые десятилетия его существования косвенно свидетельствует сообщение статьи 1096 г.: «И въ 20 того же месяца, в пятокъ, в 1 час дне приде второе Бонякъ безбожныи, шелудивыи, отай, хыщникъ, г Киеву внезапу, и мало в градъ не въѣхаша половци, и зажгоша болонье около града, и възвратишася в манастирь, и възгоша Стефановъ манастирь и деревнѣ и Герьманы, и придоша в манастирь Печерьскыи»⁵². Очевидно, что решение о нападении принималось половцами в расчёте на захват добычи, которая хотя бы частично должна была компенсировать неудачную попытку ограбления Киева.

Итак, местность на южной окраине Киева неподалеку от Берестова стала центром складывания крупного комплекса иноческой жизни. О его высоком общественном статусе свидетельствует перечень игуменов, принявших участие 2 мая 1115 г. в очередном перенесении мощей Бориса и Глеба: «Митрополить Никифоръ събъра вся епискоупы: ис Щернигова Феоктиста, ис Переяславля Лазоря, Миноу отъ Полотьска, Данила из Гургева; и игоумены вся: Прохора Печерьскааго, Савоу святого Преображения, Силвестра святого Михаила, Петра святых Богородица из Лахернитиса, Григория святааго Андреа и Феофила святааго Дьмитриа и вся прочая преподобных игоумены; и всякаго чина святительскааго и чьрноризььскааго, и вся клирики, и все поповство»⁵³.

Из приведённого текста видно, что время учреждения обители не являлось основным критерием при определении её места в общей иерархии монастырей. Так, настоятель Богородичного монастыря на Клове («святых Богородица из Лахернитиса»), основанного, как ранее отмечалось, около 1078 г., упомянут раньше игумена княжеской обители св. Дмитрия, созданной почти на два десятилетия раньше (до 1062 г.). Перечень настоятелей открывают представители обителей, принадлежавших к сообществу иноческих общин, расположенных в южном пригороде столицы, в то время как настоятели княжеских монастырей (Андреевского и Дмитриевского), находящихся в черте города, упоминаются в перечне последними.

Несмотря на основание в XII в. в Киеве новых обителей, в том числе такой крупной, как Фёдоровская (1128 г.), сложившаяся к концу XI в. иерархия столичных монастырей оставалась практически неизменной. Об этом свидетельствует сообщение Лаврентьевской летописи под 1231 г. о поставлении на Ростовскую кафедру Кирилла, настоятеля монастыря Рождества Богородицы во Владимире на Клязьме: «Поставленъ бысть Кириль епископомъ месяца априля въ 6 день, въ неделю святыхъ Муруносицъ по Пасце; священ же бысть пресвященным митрополитом Кирилом и с окрестными епископы, иже суть сии, иже и святиша ѿ сь митрополитом: Перфурии Черниговьскыи епископъ, Олекса Полотьскыи епископъ, и ина 2 епископа, Бѣлогородьскыи и Гюргевьскыи, и игумени мнози, и архимандрить святых Богородица манастиря Печерьскааго Анкюдинъ, игумень Михаило Выдобытьскыи, и игумень Петръ Спасьскыи, Семень Андрѣевьскыи, Корниль Феодоровьскыи, Афанасии Васильевьскыи, Семень Вьскресеньскыи, Климентъ Куриловьскыи, а отъ Чернигова Іоанъ

⁵² ПСРЛ. Т. I. Стб. 232.

⁵³ Бугославський С.А. Указ. соч. С. 561.

игумень Мученичський»⁵⁴. Как и столетием ранее, первыми в списке названы настоятели Киево-Печерского, Михайловского Выдубицкого и Спасо-Преображенского монастырей, игумены княжеских обителей замыкают список.

Близость расположения и общность интересов иноческих общин в районе Берестова способствовали внутренней консолидации и вызреванию среди его насельников корпоративного сознания. Эти процессы могли протекать в разных формах. ЖФ, например, содержит любопытное свидетельство, согласно которому братия Киево-Печерского монастыря во главе со своим игуменом в день памяти святого Дмитрия Солунского (небесного покровителя князя Изяслава) посещала одноименный монастырь в городе. Очевидно, что традиция взаимных посещений с общими богослужениями и совместными трапезами практиковалась и среди расположенных по соседству обителей. Черноризцы разных монастырей могли собираться вместе по случаю поставления игуменов, освящения соборов и церквей, похорон настоятелей и выдающихся пострижеников. Это сближение монашеских общин в районе Берестова, в итоге, привело к возникновению здесь института архимандритии (1170-е гг.).

Предлагаемые наблюдения позволяют поставить под сомнение утвердившийся в историографии тезис о главенствующей роли княжеско-боярских («отчих») монастырей в политической и церковной жизни Древней Руси. О некотором их преобладании можно говорить только применительно к первой половине XI в., когда христианство в основном было верой аристократического общества. В 1050–1060-е гг., когда процесс приобщения к новой вере охватил более широкие слои населения, на первый план вышли обители, основанные самими монахами, и, в первую очередь, комплекс иноческих общин в районе Берестова во главе с Киево-Печерским монастырем. Эта «древнерусская Фиваида» оставалась средоточием монашеской жизни Руси вплоть до середины XIII в.

Как можно объяснить феномен стремительного, в рамках полутора–двух десятилетий, возникновения в одном месте сразу нескольких монашеских общин? Думаю, что ответ надо искать в ранней истории Киево-Печерского монастыря, а именно в тех событиях, которые часто ускользают от внимания исследователей. Дело в том, что община, основанная Антонием, первые годы развивалась как пещерное поселение монахов, ведущих преимущественно отшельнический (келиотский) образ жизни. На рубеже 1050–1060-х гг. с увеличением братии и поставлением на игуменство Варлаама начался процесс её постепенной трансформации в киновияльную обитель, который при его преемнике Феодосии завершился введением общежительного Студийского устава. Эти изменения были приняты не всеми членами общины. Известно, что её покинули монахи Ефрем, будущий титулярный митрополит Переяславля Южного, и Никон Великий, ближайший сподвижник Антония, впоследствии игумен Киево-Печерского монастыря (1078–1088 гг.). Первый перебрался в одну из константинопольских обителей, а второй учредил в Тмутаракани собственный Богородичный монастырь. Вслед за тем киновию (Дальние пещеры) оставил и сам Антоний, основав неподалеку новый подземный комплекс (Ближние пещеры). Полагаю, что какая-то часть печерских отшельников могла последовать этому примеру, положив начало новым общинам, в том числе таким, как Михайловская и

⁵⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 456–457. Заслуживает внимания тот факт, что это известие, по всей видимости, принадлежит либо непосредственно очевидцу события, прибывшему в Киев из Залесского края, либо записано с его слов.

Спасо-Преображенская. Это предположение косвенно подтверждает поступок изгнанного из Киево-Печерского монастыря игумена Стефана, построившего по соседству обитель в честь чуда Богородицы во Влахерне.

Такое понимание процесса формирования иноческого комплекса на южной окраине Киева подтверждает история жизни и подвигов выдающихся представителей монашества. К ним, например, можно отнести Савву Освященного, последователи которого ещё при жизни учителя дали начало множеству монастырей и скитов, расположенных по соседству с Великой Лаврой в долине Кедрон. В таком контексте оценка деятельности Антония Печерского как «начальника в Руси чернческому житию»⁵⁵ приобретает совсем иное звучание: афонский пострижник был не просто учредителем самого авторитетного монастыря Древней Руси – Киево-Печерской обители, он стоял у истоков формирования «древнерусской Фиваиды».

⁵⁵ Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009. С. 377.

Освоение побережья Баренцева моря монастырями Поморья во второй половине XVI – XVII в.

Сергей Никонов

The developing of the Barents Sea coast by Pomorie monasteries in the second half of the sixteenth and seventeenth centuries

Sergey Nikonov (Murmansk Arctic State University, Russia)

В XIV–XVI вв. шли колонизация и хозяйственное освоение Русского Севера – региона, включавшего обширные территории современных Мурманской и Архангельской областей, республик Карелия и Коми, именовавшегося в источниках XVI–XVII вв. Поморьем. Участниками этого процесса были как различные категории свободного населения (прежде всего крестьяне), так и монастыри. В ходе колонизации здесь возникло порядка 76 обителей, большинство из которых были небольшими по количеству братии и масштабам хозяйственной деятельности¹.

Наличие выхода к северным морям, богатство рек и озёр, суровый климат определили специфику хозяйственного развития Поморья: ведущую роль игра-

© 2016 г. С.А. Никонов

¹ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне в России в первой четверти XVIII века. М., 1977. С. 50–51; История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 173; Православие на Архангельской земле: XVII–XX вв. Архивные документы и исторические материалы: хрестоматия. Архангельск, 2005. С. 34–36; Водарский Я.Е., Истомина Э.Г. Православные монастыри России и их роль в развитии культуры (XI – начало XX в.). М., 2009. С. 256–263; Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права. СПб., 2007. Географический указатель. С. 576–580.